
НАУЧНЫЕ ДЕБАТЫ

О.В. ПОПОВА*

О НЕРЕШЕННЫХ ПРОБЛЕМАХ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТОЛОГИИ¹

Аннотация. В статье анализируется состояние исследований государственной политики идентичности в российской политологии как одной из значимых в теоретическом и политико-практическом отношении тем междисциплинарного свода знаний об идентичности. Автор выделяет этапы развития этой проблематики в российской политологии, приводит доказательства институционализации этого направления исследований. В статье представлен обзор «научного ландшафта» российских исследований по проблеме государственной политики идентичности, выявлены сильные и слабые стороны в становлении этой темы, определены наиболее значимые рассогласования в представлениях российских исследователей. Особое внимание обращено на проблему соотношения гражданской и национально-государственной идентичности, которое может быть изменено в результате реализации государственной политики идентичности. Акцентируется вопрос о снижении роли традиционных и политических институтов в процессе формирования политических установок граждан. В работе приводятся фрагменты экспертных интервью для характеристики различий во взглядах ученых. Автор акцентирует внимание на системных проблемах развития современной российской политологии, которые ограничивают возможности развития от-

* **Попова Ольга Валентиновна**, доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: pov_64@mail.ru o.porova@spbu.ru

¹Статья написана по итогам завершеного Гранта РФФИ и АНО ЭИСИ № 19–011–31616 «Государственная политика в сфере формирования идентичности: концептуальные основания, технологии и перспективы».

© Попова О.В., 2020

DOI: 10.31249/poln/2020.04.05

дельных ее направлений. Среди них – субъективное ощущение вторичности исследований и теоретических установок российских ученых, неоправданная популяризация отдельных тем, «мода» на конкретные научные подходы, развитие практик цитирования по «региональному» принципу. Кроме того, результаты наработок ученых востребованы в реальной политике, что также может иметь свои побочные негативные эффекты, например, в виде развития представлений о принципиальной возможности формирования унифицированной национально-государственной идентичности с заданными параметрами у значительных по размеру социальных групп и политических сообществ.

Ключевые слова: политическая наука; развитие отечественных политологических исследований; теория идентичности; политическая идентичность; государственная политика идентичности; экспертный опрос.

Для цитирования: Попова О.В. О нерешенных проблемах теории государственной политики идентичности в российской политологии // Политическая наука. – 2020. – № 4. – С. 86–110. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.04.05>

Введение.

Постановка проблемы и эмпирическая база

Период освоения новых теорий и знакомства с методологиями и методиками западных коллег в области политической науки завершился два десятилетия назад, но до сих пор периодически наблюдается неоправданный «синдром ученика» в представлениях многих отечественных обществоведов о вторичности собственных разработок, что не в последнюю очередь является следствием европо- и америкоцентричности политологического знания. Не умаляя значения теоретических разработок научных светил мирового уровня, отметим, что «прорывные» теории в политической науке встречаются крайне редко, а любое продвижение вперед базируется на кропотливом труде многих исследователей.

Другая проблема в том, что избыточная популяризация какой-либо темы подчас приводит к расширительной трактовке понятий, поверхностному описанию исследуемой проблемы, появлению вала малозначимых в научном плане публикаций реферативного характера, отсутствию реального прироста знаний. Кроме того, у исследователей периодически возникает синдром «тоннельного видения» лишь определенных авторов, занимающихся той или иной проблемой. Последнее является следствием склонности некоторых ученых цитировать лишь высокорейтинговых исследователей или тех авторов, с идеями которых они согласны,

формирования своеобразных «научных клик» в условиях перекоса требований учета научной активности по формальным показателям.

Одно из успешно развивающихся направлений в отечественной политологии – основанное на междисциплинарном подходе изучение политической идентичности [Идентичность: личность, общество, политика, 2017]. К настоящему времени в Москве, Санкт-Петербурге, Казани, Краснодаре, Майкопе, Перми сложились взаимодействующие по сетевому принципу исследовательские группы по изучению идентичности; научное лидерство принадлежит Центру сравнительных социально-экономических и социально-политических исследований ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН. Состояние и тенденции развития этой субдисциплины периодически обсуждаются [Попова, 2013; Ророва, 2015; Фадеева, Назукина, 2020]. В последнее десятилетие заметное место занимают работы, связанные с политикой идентичности [Идентичность: личность, общество, политика, 2017; Семененко, 2016; 2020; Цумарова, 2012; Semenenko, 2015], в научный оборот введены проблемы сознательного конструирования политической идентичности [Евгеньева, Титов, 2010; Малинова, 2010] и стратегия анализа политики идентичности в контексте общецивилизационных процессов [Семененко, Лапкин, Пантин, 2010]. Ряд ученых все более интересуют проблемы государственной политики идентичности [Ачкасов, 2012; Ачкасов, 2013; Баранов, 2019; Гришин, 2019; 2020; Гриценко, 2016; Лагутин, 2019; Лукин, Мусиенко, 2018; Попова, 2016 b; Попова, 2019 a; Попова 2019 b; Попова 2019 c; Шентякова, 2019; Ророва, 2019] и национально-государственной идентичности как результата реализации государственной политики идентичности [Комаровский, 2017 a; Комаровский, 2017 b; Титов, 2017 a; Титов, 2019 b].

Представляется актуальной необходимостью обсуждения состояния в российской науке одной из тем политологической идентитаристики, отражающей теории и оценку реальных политических практик, – государственной политики идентичности. Этой цели и посвящена предлагаемая статья; в ней решаются три задачи: 1) дается обзор «научного ландшафта» российских исследований и выявляются особенности трактовки государственной политики идентичности; 2) предлагается видение институционализации исследований государственной политики идентичности и концептуализации этой темы; 3) определяются наиболее значимые расхождения в представлениях российских исследователей в этой теме.

Первые две задачи решаются на основании анализа научных публикаций, третья – еще и на результатах экспертного опроса 23 ключевых российских ученых-политологов, занимающихся проблемами политической идентичности и политики идентичности¹. Экспертный опрос (неформализованное, нестандартизированное интервью) был проведен летом-осенью 2019 г. участниками проекта РФФИ и АНО ИЭСИ № 19–011–31616 «Государственная политика в сфере формирования идентичности: концептуальные основания, технологии и перспективы».

От категории «политика идентичности» к понятию «государственная политика идентичности»

Прочно вошедшая на рубеже 1990–2000-х годов в зарубежную политическую науку категория «политика идентичности» (англ. «identity politics» или «politics of identity») вызвала высокий интерес и у российских ученых². Политика идентичности связывается с процессами сознательного конструирования определенных форм и моделей коллективной идентичности. В научный дискурс эта категория введена в 1979 г. Р. Анспачем, который определял этот феномен как движение, выступающее за изменение самовосприятия людей с ограниченными возможностями и отношения к ним социума [Anspach, 1979]. До середины 1990-х годов понятие «политика идентичности» (identity politics) использовалось преимущественно для описания социальных движений различных меньшинств и поиска этими группами моральных и идеологических оснований борьбы за свои «особые» права. В начале 2000-х годов появилась трактовка политики идентичности как одного из важнейших направлений государственной политики по конструированию образа нации, государства, сплочения граждан, обеспечения единства населения, гарантирующего устойчивость политической системы и политического режима. Постепенно формируются предпосылки характеристики государственной политики идентичности с

¹ Некоторые материалы опроса, которые не дублируются в предлагаемой статье, представлены в трех публикациях 2019 г. [Попова, 2019 а; Попова, 2019 б; Шентякова, 2019].

² Одна из первых статей на русском языке по этой теме белорусского коллеги опубликована в «Политической науке» 15 лет назад [Миненков, 2005].

использованием англоязычного policy, хотя отечественные авторы, апеллируя к традиции, продолжают настаивать на использовании «politics» [Цумарова, 2012].

Исследования политики идентичности обладают мощным эвристическим потенциалом, поскольку этот феномен выступает в роли регулятора действий и решений институтов, групп и индивидов, определяет стратегические цели, открывает доступ к целой группе ресурсов, регламентирующих стратегию и тактику действий, объясняет деструктивное поведение по отношению к «другим» социальным группам – политическим, этническим, культурным и т.д. Исследования устойчивых дискурсивных практик самоутверждения малых групп остаются актуальными, но все чаще звучит тезис о неоправданно гипертрофированном интересе к запросам меньшинств в ущерб реализации прав большинства.

Широко обсуждаются размышления Ф. Фукуямы, который предостерегает: «Для некоторых прогрессистов политика идентичности оказалась дешевой заменой серьезных размышлений о том, как обратить вспять тенденцию роста социально-экономического неравенства, развивавшуюся в большинстве либеральных демократий на протяжении 30 лет» [Фукуяма, 2019, с. 149]. По мнению Ф. Фукуямы, смещение фокуса исследований и трактовки политики идентичности произошло потому, что первоначально теория политики идентичности была ориентирована на решение проблем малых социальных групп в англосаксонских государствах с либеральным режимом.

В российской науке категория «политика идентичности» все чаще определяется как политический курс по сознательному, целенаправленному и систематическому формированию (конструированию), утверждению и корректировке национально-государственной идентичности. Этот процесс начался в России в начале 2000-х годов. Разработанные за два десятилетия документы формируют достаточно стройную систему представлений российской политической элиты об идеальном результате, связанном преимущественно с гражданским и патриотическим воспитанием новых поколений.

На наш взгляд, есть основания выделять два этапа в развитии проблематики государственной политики идентичности в российской политологии в XXI в.: первое десятилетие связано с этапом накопления знаний и формирования авторских позиций при одновременном привлечении внимания политиков к этой теме, а второе характеризу-

ется заметными тенденциями ее институционализации. Заслуживают внимания следующие факты: а) рост числа защит диссертаций по этой тематике или тесно сопряженных с ней (Ш.А. Алибегиллов, А.С. Гаева, В.Н. Ефремова, А.Н. Иохим, М.В. Руткаускайте, Л.В. Сагитова, Я.А. Сирюкова, Е.Е. Уразбаев, Н.С. Ширяев); часто за названием «формирование национально-государственной / политической идентичности» скрывается описание как результата, так и стратегий действий органов власти в области политики идентичности; б) заинтересованность российских научных фондов (РГНФ, РФФИ, РНФ) в поддержке грантов по теме государственной политики идентичности; в) проведение тематических научных конференций¹ и увеличение числа докладов по данной проблематике в рамках политологических конференций; г) издание специализированных тематических сборников [см., например: Символическая политика, 2017]; е) появление учебных пособий, в которых упор сделан именно на государственную политику в области формирования идентичности граждан [см., например: Капицын, 2018]; д) введение соответствующих тем в учебный процесс в вузах (они представлены, например, в на факультетах политологии МГУ и СПбГУ); ж) популяризация темы на образовательных порталах² в Интернете.

Российские авторы определяют практический и символический характер государственной политики идентичности [см., например: Гигаури, 2015; Малинова, 2010; Титов, 2019 а], анализируют различные аспекты ее проявления, в том числе в языковой политике [Ветренко, Дубицкий, 2017; Мухарямов, 2018; Мухарямов, Януш, Шакурова, 2019; Сагитова, 2012], политике государственных праздников на федеральном уровне [Ефремова, 2013; 2016], практиках региональных властей по организации коллективных праздничных мероприятий на субфедеральном уровне [Попова, 2017] и т.д., образовательной и исторической политике [Семененко, 2018 б], политике памяти [Титов, 2017 б; Титов, 2019 а] и топонимике [Сорокин, 2019]. Анализ реализации государственной политики идентичности осуществляется как на примере страновых кейсов [Госу-

¹ См., например, тематику докладов Исследовательского комитета ИК18 РАН на ежегодных конференциях.

² См., например: Мнения экспертов ПостНауки о перспективах развития политики в сфере экологии в России // ПостНаука. – 2014. – Режим доступа: <https://postnauka.ru/talks/19910> (дата посещения: 01.07.2020).

дарственная политика идентичности в Узбекистане ..., 2018; Российская идентичность и политика ..., 2018], так и в различных группах стран [Между государством и нацией, 2017; Попова, 2019 с; Семенов, 2018 а].

В энциклопедическом издании 2017 г. «Идентичность: личность, общество, политика» напрямую категория «государственная политика идентичности» не выделена [см.: Идентичность: личность, общество, политика, 2017, с. 127, 159, 351, 648–654, 666–684], но проблематика присутствует. «Под политикой идентичности... понимается деятельность субъектов политического процесса по формированию и поддержанию национальной (национально-государственной), гражданской и иных форм макрополитической идентичности... Государство – ключевой актор политики идентичности в этом поле: оно использует институты социализации (систему образования, воинскую службу) и инструменты публичной политики» [Идентичность: личность, общество, политика, 2017, с. 647–648].

Отечественные авторы часто используют понятие «национально-государственная идентичность» [Комаровский, 2017 а; Комаровский, 2017 b] для описания результата реализации государственной политики идентичности «как полномасштабного конструкта, целостного образа “мы” во всех его измерениях» [Титов, 2017 b, с. 41]. В научной литературе встречаются попытки отождествления этого феномена с опирающейся на этническую национальную идентичность [Ачкасов, 2012; 2013] и / или гражданской идентичностью [Политическая идентичность, 2011]. Применительно к российскому кейсу наряду с понятием «российская идентичность» [Гриценко, 2016] используются термины «гражданственно-государственная» или «национально-гражданская идентичность», «комбинация этнического и наднационального» или «цивилизационного начал», а также «цивилизационная идентичность» (последний вариант камуфлирует роль государства в процессе реализации политики идентичности). Российские исследователи неизбежно наталкиваются на позицию политиков-практиков, трактующих «российскую идентичность» как идейный (идеологический) конструкт, который может быть использован политическим классом в качестве аналога «национальной идеи», и рассчитывающих вследствие этого на частичное снятие остроты противоречий между классами и социальными группами в стране. На наш взгляд, тер-

минологическое разнообразие при описании государственной политики идентичности свидетельствует о недостаточно устоявшейся теоретической конструкции.

Представляется, что государственную политику идентичности следует понимать как определенный набор чаще всего закреплённых в юридических актах, но имеющих символическое и идеологическое наполнение политических проектов, практик и инструментов формирования и развития заданной системы политических взглядов, идеологических и политических ценностных ориентиров основной массы населения, направленных на создание строго регламентированных образов «мы – граждане» и «мое государство». Государственная политика идентичности, реализуемая в любой стране (безотносительно характера политического режима), выполняет функции формирования государственной, национальной (национально-государственной) и гражданской идентичности населения, символического объединения граждан, предложения более-менее унифицированного восприятия наиболее значимых образов «своего» государства и т.д. Те или иные объекты и образы становятся элементами идентичности в той степени, в которой могут быть проинтерпретированы самим субъектом и его окружением, наделены значимым для него личностным или социальным смыслом, применимым для определения людей или их групп в рамках существующего дискурса.

Вместе с тем государства с демократическим режимом, проводя политику идентичности в отношении своих граждан, предоставляют большую возможность поливариантного взгляда на предлагаемые элитой основные компоненты государственной матрицы идентичности и, в отличие от стран с авторитарным и тем более тоталитарным режимом, не требуют полного принятия стратегий и максимизации лояльности в отношении предлагаемых «сверху» образов своего государства, «нас» и «других». Государственная политика идентичности может быть направлена на поддержание и / или оспаривание любых политизированных форм социальной и политической идентичности граждан «своей» страны.

Проводимая любым государством политика идентичности формирует и «макрополитическую идентичность» населения страны, обеспечивает интеграцию стоящих «за» государством сообществ, поощряет солидарность, формирует определенные представления о «нас», которые опираются на сознательно задаваемые

интерпретации истории и культуры. Представляется, что государственная политика идентичности выступает как разновидность проводимого политическими, экономическими или культурными элитами (но, прежде всего, политико-административными элитами) политического курса (policy). Государственная политика идентичности является процессом сознательного конструирования идентичности в границах политического сообщества (от малых групп до регионов и национальных государств). В условиях глобализации выстраивание государством определенной политики идентичности может рассматриваться как своего рода реакция на процессы унификации с целью самосохранения.

Методологические основания анализа, акторы и компоненты государственной политики идентичности

Если первоначально в анализе идентичности ученые в основном обращались к теориям среднего уровня или делали отсылку к традиции ее изучения в рамках конструктивизма, затем акцент заметно сместился в сторону неоинституционализма [см., например: Борьба за идентичность ..., 2012], что напрямую вытекает из необходимости учета состояния и взаимосвязи формальных и неформальных практик в деятельности социальных и политических акторов по формированию желательных для них моделей идентичности. Последнее, казалось бы, однозначно подталкивает исследователей к ориентации на постмодернистские версии методологий, в частности конструктивизма.

Однако при некритическом использовании только конструктивистской методологии или постмодернистских идей в оценке политики идентичности можно прийти к весьма далекой от истины идее возможности и необходимости формирования индивида, якобы абсолютно свободного, независимого от общества и связанного лишь со свободной волей. Противоположная версия заикливания на детерминистских методологических подходах также может привести к весьма нереалистичной идее достижимости формирования практически любого варианта государственной и политической идентичности масс [Лукин, Мусиенко, 2018]. В последнее время явно намечается тенденция к использованию мультиметодологического и поливариантного подхода при изучении государст-

венной политики идентичности [см., например: Титов, 2019 b, с. 79; Попова, 2019, с. 763]. На наш взгляд, максимально эффективным методологическим основанием исследований этого феномена является сочетание исторических версий неинституционализма, постструктурализма и конструктивизма [Попова, 2019 b].

Самыми значимыми акторами государственной политики идентичности, безусловно, являются глава государства и органы госуправления, которые делегируют на региональный и локальный уровни как соответствующие нормативные законодательные документы, проекты и программы, так и формальные и неформальные политические практики.

Государство, в отличие от других политических акторов, обладает максимальным набором самых разнообразных материальных и символических ресурсов и может использовать большинство институтов социализации и инструментов публичной политики с целью сформировать выбранную политической элитой модель государственной, национально-государственной, гражданской идентичности. В большинстве случаев эта претензия государства на легитимную символическую власть социумом принимается. Вместе с тем государство вынуждено делегировать полномочия и иным политическим акторам и институтам гражданского общества. Лидеры общественного мнения различного типа могут играть существенную роль. Религиозные организации важны для реализации государственной политики идентичности, чтобы связать воедино конфессиональную, этническую и государственную принадлежность.

Государство имеет больше возможностей сконструировать и продвинуть в массовое сознание свою модель государственной идентичности, но только в тоталитарной стране она является безальтернативной. Даже в авторитарных государствах органам власти приходится предлагать свою модель на условиях конкуренции с другими моделями, поскольку в социуме на различных уровнях (индивидуальном, групповом, массовом) существует и проявляет себя определенный набор альтернативных идентичностей.

Государственная политика идентичности, используя символические средства, выполняет и такую функцию, как отвлечение граждан от конфликта внутри самих элит и от реальных проблем социума и государства. При этом усилия политических акторов направлены на создание и популяризацию определенных вариан-

тов понимания сути происходящих или происходивших социальных и политических процессов.

В обязательный набор компонентов, механизмов и средств государственной политики идентичности входят: идеологическое обоснование борьбы с внутренними и внешними врагами, акцентирование исторической миссии своего государства с использованием моралистской риторики; комплексная инфраструктура для поддержания исторической памяти; официальный дискурс обращений и посланий глав государств; интерпретация содержания и символики государственных праздников; образовательная политика, символическое привлечение в осуществлении политики исторической памяти государственных органов, институтов гражданского общества, политических лидеров других государств, руководителей международных организаций. Важным фактором политики государственной идентичности является самоопределение относительно значимых «других» государств и международных организаций.

Стандартные технологии формирования государственной политики идентичности традиционно опираются на историческую политику или политику памяти как некий политический конструкт. Главное в политике памяти – не историческая правда, а выстраивание комплексного образа прошлого, включающего эмоциональный, когнитивный и символический компоненты.

Важнейшим компонентом государственной политики идентичности выступает предлагаемая политическими акторами (прежде всего в этом заинтересованы политико-административные элиты) базовая матрица государственной идентичности. Исследователями она проанализирована в двух вариантах: в рамках собственно политологической парадигмы [см., например: Ророва, 2019] и в варианте политико-психологического подхода [см., например: Титов, 2019 б].

На наш взгляд, матрица политики государственной идентичности имеет два измерения: вертикальное (динамическое, временное «прошлое – настоящее – будущее») и горизонтальное (пространственное, территориальное), но в определенных политических условиях может актуализироваться и только одно из них (таблица) [подробно см. авторскую позицию по поводу ее компонентов, «наполнения» в современной России и реакции различных групп населения: Попова, 2016 а; 2017; 2018 а; 2018 б; Ророва, 2019].

Таблица

Структура матрицы государственной идентичности

Параметр 1. Образ «нашего» государства (8 измерений)	• «правильные» границы территории страны: 1) пределы государства / границы; 2) восприятие отдельных территорий государства;
	• «правильное» время создания государственности
	• «правильная государственная символика» (герб, гимн, флаг и т.д.)
	• «правильный» исторический герой (родоначальник государства, герой, спасший государство, и т.д.)
	• современный национальный лидер – герой
	• образ идеального / героического / катастрофического прошлого «нашего» государства
	• образ «нашего» государства в настоящем
	• привлекательное неопределенное будущее «нашего» государства
Параметр 2. Образ «мы – граждане» (3 аспекта)	• тип цивилизации
	• способ обозначения народа / населения / граждан
	• самоопределение социальной / политической группы относительно значимых и знаковых групп
Параметр 3. «Они» (3 измерения)	• доминирующая модель идентификации «других»
	• внешние «они» (враги, союзники)
	• внутренние «они» (враги, союзники)

Дискуссионные вопросы

Основное выявленное расхождение в оценках экспертов касается результата реализации государственной политики идентичности. Чаще всего эксперты говорили в этом качестве о национально-государственной или гражданской идентичности.

Национально-государственная идентичность понимается рядом российских авторов как конструкт, характеризующий образ граждан России в качестве политической нации вовне в ответ на геополитические вызовы, и одновременно как состояние массового сознания [см.: Белоконев, Титов, Усманова, 2019, с. 91]. По мнению некоторых экспертов, важным компонентом формирования государством государственно-национальной идентичности является *«необходимость выстраивания, “отстраивания” одного государства*

от другого» (канд. полит. наук, доцент, м.). Но политическая элита весьма своеобразно понимает и гражданскую идентичность; идеал гражданственности в глазах этой группы – *«потенциально активный гражданин... не ломится в двери власти, но может продемонстрировать свою активность... Государству надо, чтобы он хотя бы знал законы и платил налоги. И свою лояльность демонстрировал практическим образом: участвуя в выборах, уплачивая налоги, следуя законам государства»* (д-р ист. наук, проф., ж.).

Эксперты считают необходимым различать такие гражданскую и государственно-национальную идентичность как результат соответствующей государственной политики, но при этом часть из них склонны рассматривать гражданскую идентичность как разновидность национально-государственной (*«гражданская идентичность, на мой субъективный взгляд, я знаю, что многие эксперты не согласятся, все-таки есть разновидность национально-государственной идентичности»*) (канд. полит. наук, доцент)).

Участвовавшие в экспертном опросе российские политологи убеждены, что гражданская идентичность предполагает формирование такого гражданина, который *«в принципе достаточно знает и понимает, чтобы проявить свою активность, если он считает, что что-то угрожает ему лично, гражданам. Если государство начинает нарушать правила, то он готов напомнить власти о том, что есть правила»* (д-р полит. наук, проф., ж.).

Среди российских экспертов существуют расхождения и в представлениях об основании процесса реализации государственной политики идентичности. Условно можно выделить два варианта понимания этого процесса. Ряд исследователей склоняются к «технологическому», манипулятивному пониманию проблемы (*«конструирование часто сейчас понимается как манипулирование»*) (д-р полит. наук., проф., м.), полагая, что традиционные каналы (обучение) утрачивают свое приоритетное значение (*«институционально через школу; в университетах это намного меньше, но через политику в отношении средств массовой информации, безусловно»*) (д-р ист. наук., проф., ж.), большее значение и влияние имеют развлекательные средства и игра в самых разных своих проявлениях (*«намного более важно это то, что они получают через Интернет, через разного рода каналы развлекательные»; «если у вас нет эффективного собственного продвижения в*

пространстве Интернета, вы, конечно, не сможете продвигать никакую политику идентичности») (д-р полит. наук, проф., м.).

Вопрос об участии интеллектуалов и лидеров общественного мнения в реализации государственной политики идентичности остается достаточно острым, поскольку их взгляды с большой долей вероятности не совпадают с представлением «политического класса»: *«Лояльные власти интеллектуалы, публицисты и прочее... они в это пространство включаются весьма активно, с дискуссией включаются, они это пространство так или иначе отвоевывают, пытаются его использовать в качестве арены борьбы за ту идентичность и те символы, значимые вещи, принципы, которые они считают необходимым продвигать»* (д-р полит. наук, проф., ж.). Однако власть интеллектуалов ограничена «культурным кодом населения»; конечно, у разных социальных групп – совершенно разные лидеры общественного мнения, *«культурные символы, культурное пространство»* (д-р полит. наук, проф., м.).

Примечательно, что эксперты декларируют различия символических оснований формирования идентичности в разных странах, что связано с несовпадением политической культуры, традиций и в целом – политической истории в разных странах: *«В этом смысле культурные основания идентичности во Франции достаточно сильны. Англосаксы в большей степени сосредоточены на политических символах, связанных с формированием наций, государств, историческими особенностями. Сложнее всегда тем странам, у которых оказывалось бремя истории – немцы, итальянцы. Специфика такая, что у немцев основой национально-государственной идентичности был конституционный патриотизм, но потом все равно после воссоединения деление на “осси”, “весси” затрудняет формирование единой идентичности и политики по ее формированию»* (д-р истор. наук, проф., ж.).

Можно выделить несколько дискуссионных точек о матрице государственной идентичности.

Во-первых, речь идет о стремлении некоторых авторов отождествить категории и содержание матриц государственной и национально-государственной идентичности, предположении, что государственная матрица идентичности входит в состав национально-государственной идентичности. В частности, тождественность этих категорий «прочитывается» у В.С. Комаровского. На наш взгляд (в этом случае мы согласны с позицией И.С. Семененко), отождеств-

ление этих двух категорий неправомерно, поскольку набор компонентов не совпадает, а образ «мы», даже если он и охватывает население страны, то лишь в отношении граждан государства. В случае с конструктом национально-государственной идентичности (национально-гражданской идентичности) в ее базовую матрицу неизбежно включается многообразие национально-этнических групп, проживающих на территории страны, и восприятие образа Родины, а не только государства с его формальными институциональными признаками. В конструкте государственной идентичности применительно к «политической нации» акцент на специфике этнических групп, проживающих в одной стране, из базовой матрицы государственной идентичности изымается, камуфлируется или интерпретируется как «общий вклад» в построение современного сильного и перспективного государства.

В известном смысле для исследователей разделение конструктов государственной и национально-государственной идентичности связано с акцентированием значения для первого на сознательно проводимой политическими акторами политике и для второго – на политических образах, формирующихся на основе политических стереотипов, нередко спонтанно, и не является непосредственно производной от пропагандистских политических кампаний. При этом декларируемые составные компоненты государственной и национально-государственной идентичности почти совпадают; так, например, В.С. Комаровский относит к основным компонентам национально-государственной идентичности «коллективное “мы” – представление о нации и стране, где в качестве институциональных скреп выступает государство (“моя страна”, родина предков и т.д.), а в качестве гуманитарных – “моральное сообщество” – доверие, солидарность, обязательства в отношении других членов общества; “значимые другие” – страны и народы, постоянное взаимодействие с которыми позволяет лучше понимать свое отличие, самобытность; интерпретация прошлого и конструирование традиций как общей судьбы и истории; проект желаемого будущего» [Комаровский, 2017 b, с. 7].

Во-вторых, речь идет о стремлении некоторых исследователей включить непосредственно в матрицу государственной идентичности эмоциональный компонент [см.: Титов, 2017 а, с. 45]. На наш взгляд, символическое содержание основных компонентов матрицы государственной идентичности не содержит собственно психологические

составляющие, хотя эмоциональное восприятие предлагаемых образов, пространственно-временного изменения функционирования государства людьми неизбежно. В-третьих, содержание матрицы государственной идентичности существенно изменяется, особенно если речь идет о выборе какой-то из задающих рамки версий пространственно-временного измерения «своего» государства.

С одной стороны, все политологи признают, что государство было и остается в условиях глобализации и становления информационного общества одним из наиболее влиятельных институтов политической социализации, обладающим колоссальными материальными, организационными и техническими ресурсами формирования национальной, политической, гражданской идентичности. С другой стороны, исследователи считают, что даже в тоталитарном государстве его мощнейшие ресурсы и возможности не позволяют унифицировать политические взгляды людей, в том числе и установки в отношении органов власти и политической элиты, истории, настоящего и будущего своей страны и т.д. Даже при доминировании государственно-центричного подхода в вопросе о взаимоотношениях государства и институтов гражданского общества нет ни малейших оснований для отрицания субъектности негосударственных участников процесса формирования идентичности.

Однако у основного субъекта формирования и реализации государственной политики идентичности *«главная задача – удержаться у власти, главная задача – использовать потенциал идентичности, потенциал политики памяти, эксплуатируя его для того, чтобы укрепить собственную монополию на власть, а все остальное: хорошо, если получится, а если нет – это вторично»* (д-р филос. наук, доц., ж.). Как следствие, в реальной политической практике элиты многих государств *«воспринимают политику идентичности как “историческую политику”, как политику манипулирования, переписывания, создания неких не очень понятных конструктов прошлого и настоящего для того, чтобы более эффективно управлять социальными настроениями, политическими настроениями»* (д-р полит. наук, проф., м.).

Обозначенные расхождения в позициях российских исследователей являются основными, но не исчерпывающими.

Вместо заключения

Проблематика государственной политики идентичности разрабатывается в отечественной политологии активно, но наличие различных методологических подходов и определенных научных школ, включенных в разные традиции и контексты понимания идентичности, провоцирует рост многозначности использования термина, а вследствие этого, и риски размывания ключевых понятий. Можно с уверенностью говорить, что к настоящему времени в отечественной научной литературе достаточно четко определены методологические подходы, сформулировано определение, символические основания, компоненты, акторы и технологии формирования государственной политики идентичности, активно анализируются кейсы отдельных государств, предпринимаются попытки выявления общих закономерностей для различных групп государств, что позволяет говорить о постепенной концептуализации этой темы.

На наш взгляд, в российской политологии сформулировано и апробировано понимание сущности государственной политики идентичности, предложена схема анализа этого явления, выявлены основные элементы, технологии и акторы, сформулированы основные различия реализации государственной политики идентичности в странах с различным типом политического режима, есть определенные наработки в изучении как отдельных кейсов, так и групп государств; на повестке дня – разработка критериев эффективности, индикаторы их оценки и выявление факторов, способствующих и препятствующих успеху реализации этой политики.

Список литературы

- Ачкасов В.А.* Политика идентичности в современном мире // Вестник СПбГУ. Серия 6. – 2013. – Вып. 4. – С. 71–77.
- Ачкасов В.А.* Политика идентичности мультиэтничных государств в контексте решения проблемы безопасности. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012. – 232 с.
- Российская идентичность и политика идентичности: конструкция и деконструкция / В.А. Авксентьев, Б.В. Аксюмов, В.А. Васильченко, Г.С. Денисова; отв. ред. В.А. Авксентьев. – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2018. – 214 с.
- Баранов Н.А.* Общероссийская гражданская идентичность в политико-культурном контексте // Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века

- (к 130-летию со дня рождения): Международная научная конференция, Сыктывкар, 10–12 октября 2019 г.: сборник научных трудов / гл. ред. О.А. Сотникова. – Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2019. – С. 88–94.
- Белоконов С.Ю., Титов В.В., Усманова З.Р.* Российская национально-государственная идентичность перед вызовами начала XXI века // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2019. – Т. 21. № 1. – С. 90–98. – DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2019-21-1-90-98>
- Борьба за идентичность и новые институты коммуникаций / под ред. П.В. Панова, К.А. Сулимова, Л.А. Фадеевой. – М.: РОССПЭН, 2012. – 263 с.
- Ветренко И.А., Дубицкий В.В.* Государственная языковая политика в контексте формирования политической идентичности граждан // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. – 2017. – № 3 (15). – С. 368–374.
- Гигаури Д.И.* Символические измерения политики идентичности // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 15. – С. 83–87.
- Государственная политика идентичности в Узбекистане в позднесоветское время и эпоху независимости / А. Даудов, Б. Алимджанов, А. Андреев, В. Шорохов, Д. Янченко // Этнографическое обозрение. – 2018. – № 5. – С. 146–161. – DOI: <https://doi.org/10.31857/S086954150001481-9>
- Гриценко Г.Д.* Политика идентичности как условие формирования российской идентичности // Universum: Общественные науки: электронный научный журнал. – 2016. – № 12 (30). – Режим доступа: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/4020> (дата посещения: 01.07.2020).
- Гришин Н.В.* Государственная политика идентичности: новая ставка в политической борьбе? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2020. – № 55. – С. 231–239.
- Гришин Н.В.* Государство как субъект политики формирования идентичности // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2019. – № 3. – С. 66–72. – DOI: <https://doi.org/10.21672/1818-510x-2019-60-3-066-072>
- Евгеньева Т.В., Титов В.В.* Формирование национально-государственной идентичности российской молодежи // Полис. Политические исследования. – 2010. – № 4. – С. 122–134.
- Ефремова В.Н.* Государственная политика в области праздников в России: пересмотр оснований идентичности? // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. – 2016. – № 5. – С. 93–98.
- Ефремова В.Н.* Государственные праздники как идеологическая конструкция // Политическая наука. – 2013. – № 4. – С. 227–236.
- Идентичность: личность, общество, политика: энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко. – М.: Весь мир, 2017. – 992 с.
- Капицын В.М.* Теория и политика идентичности: учеб. пособие. – М.: ИНФРА-М, 2018. – 219 с.
- Комаровский В.С.* Бедность и неравенство как вызовы национально-государственной идентичности и формированию гражданской нации России // Власть. – 2017 а. – Т. 25, № 1. – С. 5–11.
- Комаровский В.С.* Наследие революции 1917 г. в формировании идентичности современной России // Власть. – 2017 б. – Т. 25, № 10. – С. 7–15.

- Лагутин О.В.* Принципы государственной политики формирования идентичности в современной России // Конфликтология. – 2019. – Т. 14, № 3. – С. 44–55. – DOI: <https://doi.org/10.31312/2310-6085-2019-14-3-44-55>
- Лукин В., Мусиенко Т.* Формирование идентичности как государственная задача // *Credo New*. – 2018. – № 1. – С. 10.
- Малинова О.Ю.* Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКЭС. – 2010. – Т. 6, № 1. – С. 5–28.
- Между государством и нацией: дилеммы политики идентичности на постсоветском пространстве / И.С. Семененко, В.В. Лапкин, А.Л. Бардин, В.И. Пантин // *Полис. Политические исследования*. – 2017. – № 5. – С. 54–78. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.05>
- Миненков Г.Я.* Политика идентичности: взгляд современной социальной теории // Политическая наука. – 2005. – № 3. – С. 21–38.
- Мухарямов Н.М.* Языковая политика и нациестроительство в меняющихся контекстах // *Нациестроительство: состояние, проблемы, перспективы* / отв. ред. М.А. Омаров. – М.: РГУ, 2018. – С. 68–75.
- Мухарямов Н.М., Януш О.Б., Шакурова Г.З.* О некоторых дискурсивных аспектах языковой политики в российских регионах // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. – 2019. – № 4 (61). – С. 56–66. – DOI: <https://doi.org/10.21672/1818-510x-2019-61-4-056-066>
- Политическая идентичность и политика идентичности / под ред. О.И. Зазнаева. – Казань: Поволжский (Казанский) государственный университет, 2011. – 230 с.
- Попова О.В.* Государственная политика идентичности в экспертных оценках российских политологов // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. – 2019 а. – № 4 (61). – С. 50–55. – DOI: <https://doi.org/10.21672/1818-510x-2019-61-4-050-056>
- Попова О.В.* Государственная политика идентичности как теоретический конструкт и реальная практика: опыт экспертных оценок // *Южно-российский журнал социальных наук*. – 2019 б. – Т. 20, № 4. – С. 74–91. – DOI: <https://doi.org/10.31429/26190567-20-4-74-91>
- Попова О.В.* Модели и технологии формирования политики идентичности в «новых» государствах // *Социальные изменения в глобальном мире: Шестая международная научная конференция: сборник материалов*. – Штиг: Издательство университета Гоце Делчева, 2019 с. – С. 757–772.
- Попова О.В.* Анализ базовой матрицы государственной идентичности // *Конституирование современной политики в России: институциональные проблемы* / отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. – М.: Политическая энциклопедия, 2018 а. – С. 119–128.
- Попова О.В.* Расколы в отношении политико-административной матрицы государственной идентичности и запрос на проект развития // *Конституирование современной политики в России: институциональные проблемы* / отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. – М.: Политическая энциклопедия, 2018 б. – С. 119–128, 210–217.
- Попова О.В.* Политика идентичности: отношение петербуржцев к праздничным мероприятиям в городе // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКЭС*. – 2017. – Т. 13, № 4. – С. 37–48.

- Попова О.В.* Базовая матрица государственной политики идентичности в современной России // Политическое пространство и социальное время / под ред. Т.А. Сениюшкиной, А.В. Баранова. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2016 а. – С. 160–165.
- Попова О.В.* Эффективность политики идентичности современного полиэтнического государства // Политическое пространство и социальное время / под ред. Т.А. Сениюшкиной, А.В. Баранова. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2016 б. – С. 157–160.
- Попова О.В.* Исследование проблем политической идентичности в России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2013. – Т. 9, № 2. – С. 205–219.
- Сагитова Л.В.* Динамика билингвизма в Татарстане: результаты языковой политики правительства и социально-экономическая конъюнктура // Консолидирующие идентичности и модернизационный ресурс в Татарстане. – М.: Институт социологии РАН, 2012. – С. 26–46.
- Семененко И.* Новые ракурсы политики идентичности: Трудная память в музеях истории XX века // Мировая экономика и международные отношения. – 2020. – Т. 64, № 5. – С. 16–32. – DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-5-16-32>
- Семененко И.С.* Национализм, сепаратизм, демократия... Метаморфозы национальной идентичности в «старой» Европе // Полис. Политические исследования. – 2018 а. – № 5. – С. 70–87. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.05.07>
- Семененко И.С.* Прошлое на переднем крае политики идентичности // Мировая экономика и международные отношения. – 2018 б. – Т. 62, № 11. – С. 65–76. – DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-11-65-76>
- Семененко И.С.* Политика идентичности и идентичность в политике: этнонациональные ракурсы, европейский контекст // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 4. – С. 8–28. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.04.03>
- Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И.* Идентичность в системе координат мирового развития // Полис. Политические исследования. – 2010. – № 3. – С. 40–59.
- Символическая политика: сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед.; Отд. полит науки; ред. кол.: Малинова О.Ю., гл. ред., и др. – М., 2017. – Вып. 5: Политика идентичности. – 356 с. – (Политология).
- Сорокин А.С.* Топонимика как средство реализации политики государственной идентичности // Дневник науки. – 2019. – № 9 (33). – С. 7–14.
- Титов В.В.* Государственная политика памяти в Российской Федерации: векторы трансформации // Государственная власть и местное самоуправление. – 2019 а. – № 10. – С. 20–25.
- Титов В.В.* Политические технологии формирования национально-государственной идентичности в современной России // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2019 б. – Т. 25, № 3. – С. 78–83.
- Титов В.В.* Национально-государственная идентичность как пространство политических смыслов и образов // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2017 а. – № 1. – С. 42–54.

- Титов В.В.* Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции. – М.: Типография «Ваш формат», 2017 б. – 184 с.
- Фадеева Л.А., Назукина М.В.* Институционализация политической науки в России: факторы, уровни, результаты (на примере идентитарных исследований) // Политическая наука. – 2020. – № 1. – С. 201–220. – DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2020.01.08>
- Фукуяма Ф.М.* Идентичность: стремление к признанию и политика неприятия: пер. с англ. – М.: Альпина Паблишер, 2019. – 256 с.
- Цумарова Е.Ю.* Политика идентичности: politics или policy? // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. – 2012. – № 2. – С. 5–16.
- Шенякова А.В.* Консолидация элит и лидерство как факторы эффективности политики идентичности (по оценкам экспертов) // Социодинамика. – 2019. – № 12. – С. 9–17. – DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2019.12.31311>
- Ansbach R.R.* From stigma to identity politics: political activism among the physical: disabled and former mental patients // Social Science and Medicine. Medical Psychology and Medical Sociology. – 1979. – Vol. 13. – P. 765–773. – DOI: [https://doi.org/10.1016/0271-7123\(79\)90123-8](https://doi.org/10.1016/0271-7123(79)90123-8)
- Popova O.V.* The development of political science in modern Russia // Political science in Europe. – Krakow: Jagiellonian University Press, 2015. – P. 425–447.
- Popova O.* State identity policy: the limits of efficiency // Balkan Social science review. – 2019. – N 4. – P. 141–157.
- Semenenko I.* Ethnicities, nationalism and the politics of identity: shaping the nation in Russia // Europe-Asia Studies. – 2015. – Vol. 67, N 2. – P. 306–326. – DOI: <https://doi.org/10.1080/09668136.2014.1002681>

O.V. Popova*

**Unresolved problems in the theory
of state identity politics in Russian political science¹**

Abstract. The article analyzes the state of research of the state policy of identity in Russian political science as one of the most significant in the theoretical and political-practical terms of the topics of interdisciplinary body of knowledge about identity. The author shows two stages in the development of this issue in Russian political science, brings evidence of the institutionalization of this area of research. The article provides an overview of the scientific landscape of Russian research on the problem of state policy of identity, uncovers the strengths and weaknesses, as well as the stages of the formation of this topic, and determines the most significant discrepancies in the views of Russian researchers. Special attention has been given to the problem of the relationship between civil and national-state identity as a result of the implementation

* **Popova Olga**, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia), e-mail: pop_64@mail.ru o.popova@spbu.ru

¹ Research project of RFBR and ANO EISR № 19-011-31616 “State Policy in the Field of Formation of Identity: Conceptual Foundations, Technologies and Prospects”

of the state policy of identity, the change in the role of traditional social and political institutions in this process. The problems of reducing the role of traditional and political institutions in the process of forming the political attitudes of citizens are stressed. The paper cites selected excerpts from expert interviews to confirm the differences in the views of scientists. The author focuses on the systemic problems of the development of modern Russian political science, which limit the possibilities of development of its individual directions. Among them there are unjustified subjective feelings of the secondary nature of research and theoretical attitudes of Russian scientists, unfounded popularization of certain topics, “fashion” for specific scientific approaches, the development of citation practices on the “regional” principle. In addition, the results of the developments of scientists are in demand in real politics, which can also have its side negative effects, for example, in the form of the development of ideas about the fundamental possibility of forming a unified national-state identity with given parameters in large social groups and political communities.

Keywords: political science; the development of political science research in Russia; identity theory; political identity; state identity policy; expert survey.

For citation: Popova O.V. Unresolved problems in the theory of state identity policy in Russian political science. *Political science (RU)*. 2020, N 4, P. 86–110. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.04.05>

References

- Achkasov V.A. Identity politics in the modern world. *Saint Petersburg State University Bulletin. Series 6*. 2013, N 4, P. 71–77. (In Russ.)
- Achkasov V.A. *The identity policy of multi-ethnic states in the context of solving the security problem*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Publishing House, 2012, 232 p. (In Russ.)
- Anspach R.R. From stigma to identity politics: political activism among the physical: disabled and former mental patients. *Social science and medicine. medical psychology and medical sociology*. 1979, Vol. 13, P. 765–773. DOI: [https://doi.org/10.1016/0271-7123\(79\)90123-8](https://doi.org/10.1016/0271-7123(79)90123-8)
- Avksentyev V.A. (ed.) *Russian identity and identity politics: construction and deconstruction*. Stavropol: NCFU Publishing House, 2018. 214 p.
- Baranov N.A. Russian civic identity in the political and cultural context. In: Sotnikova O.V. (ed). *Pitirim Sorokin and the paradigms of global development of the XXI century (to the 130 th anniversary of his birth)*. Syktyvkar: Publishing House of the Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokina, 2019, P. 88–94. (In Russ.)
- Belokonev S. Yu., Titov V.V., Usmanova Z.R. Russian national-state identity: facing challenges of the early 21 st century. *RUDN Journal of Political Science*. 2019, Vol. 21, N 1, P. 90–98 DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2019-21-1-90-98>(In Russ.)
- Daudov A., Alimdzhanov B., Andreev A. et al. The state policy of identity in Uzbekistan during the late Soviet period and the age of independence. *Etнографическое обозрение*. 2018, N 5, P. 146–161. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086954150001481-9> (In Russ.)

- Efremova V.N. Public holidays as an ideological construct. *Political Science (RU)*. 2013, N 4, P. 227–236. (In Russ.)
- Efremova V.N. State holidays policy in Russia: revision of identity grounds? *Perm Federal Research Centre Journal*. 2016, N 5, P. 93–98. (In Russ.)
- Evgenyeva T.V., Titov V.V. Nation-state identity formation of the Russian youth. *Polis. Political Studies*. 2010, N 4, P. 122–134. (In Russ.)
- Fadeeva L.A., Nazukina M.V. Institutionalization of political science in Russia: factors, levels, results (on the example of identity research). *Political Science (RU)*. 2020, N 1, P. 201–220. DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2020.01.08> (In Russ.)
- Fukuyama F.M. *Identity: the demand for dignity and the politics of resentment*. Moscow: Alpina Publisher, 2019, 256 p. (In Russ.)
- Gigauri D.I. The symbolic dimensions of the identity politics. *The theory and practice of social development*. 2015, N 15, P. 83–87. (In Russ.)
- Grishin N.V. The state identity policy: a new bet in the political struggle? *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2020, N 55, P. 231–239. (In Russ.)
- Grishin N.V. A state as an actor of identity construction policy. *The Caspian region: politics, economics, culture*. 2019, N 3, P. 66–72. DOI: <https://doi.org/10.21672/1818-510x-2019-60-3-066-072> (In Russ.)
- Gritsenko G.D. Identity politics as a condition for the formation of Russian identity. *Universum: social sciences: an electronic scientific journal*. 2016, N 12 (30). Mode of access: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/4020> (accessed: 07.01.2020). (In Russ.)
- Kapitsyn V.M. *Identity theory and politics: textbook*. Moscow: INFRA-M, 2018, 219 p. (In Russ.)
- Komarovsky V.S. Poverty and inequality as challenges to national-state identity and the formation of the civil nation of Russia. *The Power*. 2017 a, Vol. 25, N 1, P. 5–11. (In Russ.)
- Komarovsky V.S. The legacy of the 1917 revolution in the formation of the identity of modern Russia. *The Power*. 2017 b, Vol. 25, N 10, P. 7–15.
- Lagutin O.V. Principles of state policy of identity formation in modern Russia. *Konfliktologia*. 2019, Vol. 14, N 3, P. 44–55. DOI: <https://doi.org/10.31312/2310-6085-2019-14-3-44-55> (In Russ.)
- Lukin V., Musienko T. Formation of identity as a state task. *Credo New*. 2018, N 1, P. 10. (In Russ.)
- Malinova O. Yu. Constructing macropolitical identity in post-soviet Russia. *Political Expertise: POLITEX*. 2010, T. 6, N 1, P. 5–28. (In Russ.)
- Minenkov G. Ya. Identity politics: a view of modern social theory. *Political Science (RU)*. 2005, N 3, P. 21–38. (In Russ.)
- Mukharyamov N.M. Language politics and nation-building in changing contexts. In: Omarov M.A. (ed). *Nation-building: state, problems, prospects*. Moscow: RGGU, 2018, P. 68–75. (In Russ.)
- Mukharyamov N.M., Yanush O.B., Shakurova G.Z. About some discursive aspects of language policy in the Russian regions. *The Caspian region: politics, economics, cul-*

- ture. 2019, N 4 (61), P. 56–66. DOI: <https://doi.org/10.21672/1818-510x-2019-61-4-056-066> (In Russ.)
- Panov P.V., Sulimov K.A., Fadeeva L.A. (eds). *Struggle for identity and new communication institutions*. Moscow: ROSSPEN, 2012, 263 p. (In Russ.)
- Popova O. State identity policy: the limits of efficiency. *Balkan Social science review*. 2019, N 4, P. 141–157.
- Popova O.V. State identity policy in expert evaluations of Russian political scientists. *The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*. 2019 a. N 4 (61), P. 50–55. DOI: <https://doi.org/10.21672/1818-510x-2019-61-4-050-056> (In Russ.)
- Popova O.V. Identity policy at national level as a theoretical construct and real practice: expert assessments attempt. *South-Russian journal of social sciences*. 2019 b, Vol. 20, N 4, P. 74–91. DOI: <https://doi.org/10.31429/26190567-20-4-74-91> (In Russ.)
- Popova O.V. Models and technologies for the formation of identity politics in the “new” states. In: *Social changes in the global world. Sixth international scientific conference: collection of materials*. Shtip: Gotse Delchev University Publishing House, 2019 c, P. 757–772. (In Russ.)
- Popova O.V. Analysis of the basic matrix of state identity. In: Patrushev S.V., Filippova L.E. (eds). *The constitution of modern politics in Russia: institutional problems*. Moscow: Political Encyclopedia, 2018 a, P. 119–128. (In Russ.)
- Popova O.V. Splits over the political-administrative matrix of state identity and the demand for a development project. In: *The constitution of modern politics in Russia: institutional problems*. Patrushev S.V., Filippova L.E. (eds). Moscow: Political Encyclopedia, 2018 b, P. 210–217. (In Russ.)
- Popova O.V. Identity politics: the attitude of Petersburg citizens to the festive events in the city. *Political Expertise: POLITEX*. 2017. Vol. 13, N 4, P. 37–48. (In Russ.)
- Popova O.V. The basic matrix of state identity policy in modern Russia. In: *Political space and social time*. Senyushkina T.A., Baranov A.V. (eds.). Simferopol: IT “ARIAL”, 2016 a, P. 160–165. (In Russ.)
- Popova O.V. The effectiveness of the identity policy of a modern multi-ethnic state. In: Senyushkina T.A., Baranov A.V. (eds). *Political space and social time*. Simferopol: IT “ARIAL”, 2016 b, P. 157–160. (In Russ.)
- Popova O.V. The development of political science in modern Russia. In: *Political science in Europe*. Krakow: Jagiellonian University Press, 2015, P. 425–447.
- Popova O.V. Study of the problems of political identity in Russia. *Political Expertise: POLITEX*. 2013, Vol. 9, N 2, P. 205–219. (In Russ.)
- Sagitova L.V. Dynamics of bilingualism in Tatarstan: the results of the government's language policy and the socio-economic conjuncture. In: *Consolidating identities and a modernization resource in Tatarstan*. Moscow: Institute of Sociology RAS, 2012, P. 26–46. (In Russ.)
- Semenenko I. New Dimensions of identity politics: contested memories in history museums of the 20 th century. *World economy and international relations*. 2020, Vol. 64, N 5, P. 16–32. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-5-16-32> (In Russ.)
- Semenenko I.S. Nationalism, separatism, and democracy. New patterns of national identity in “Old” Europe. *Polis. Political Studies*. 2018 a, N 5, P. 70–87. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.05.07> (In Russ.)

- Semenenko I.S. History on the frontline of identity politics. *World Economy and International Relations*. 2018 b, Vol. 62, N 11, P. 65–76. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-11-65-76> (In Russ.)
- Semenenko I.S. (ed). *Identity: personality, society, politics. Encyclopedic edition*. Moscow: “Ves mir”, 2017, 992 p. (In Russ.)
- Semenenko I.S. Identity politics and identities in politics: interethnic perspectives in a European context. *Polis. Political Studies*. 2016, N 4, P. 8–28. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.04.03> (In Russ.)
- Semenenko I. Ethnicities, nationalism and the politics of identity: shaping the nation in Russia. *Europe-Asia Studies*. 2015, Vol. 67, N 2, P. 306–326. DOI: <https://doi.org/10.1080/09668136.2014.1002681>
- Semenenko I.S., Lapkin V.V., Bardin A.L. et al. Between the state and the nation: dilemmas of identity policy in post-Soviet societies. *Polis. Political Studies*. 2017, N 5, P. 54–78. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.05> (In Russ.)
- Semenenko I.S., Lapkin V.V., Pantin V.I. Identity in the coordinate system of world development. *Polis. Political Studies*. 2010, N 3, P. 40–59. (In Russ.)
- Shentyakova A.V. Consolidation of elites and leadership as the factors of identity politics effectiveness. *Sociodynamics*. 2019, N 12, P. 9–17. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2019.12.31311> (In Russ.)
- Symbolic politics: Collection of scientific papers*. Moscow: RAS. INION, 2017, Vol. 5, Identity politics, 356 p. (Ser.: Political science).
- Sorokin A.S. Logrolling in the modern legislative process. *Dnevnik nauki*. 2019, N 9 (33), P. 7–14. (In Russ.)
- Titov V.V. National and state identity as a space of political senses and images. *Izvestiya Tula State University. Humanitarian sciences*. 2017 a, N 1, P. 42–54. (In Russ.)
- Titov V.V. *The politics of memory and the formation of national-state identity: Russian experience and new trends*. Moscow: Printing house “Vash format”, 2017 b, 184 p. (In Russ.)
- Titov V.V. The state politics of memory in the Russian federation: transformation vector. *State Power and Local Self-government*. 2019 a, N 10, P. 20–25. (In Russ.)
- Titov V.V. Political technologies of the national-state identity formation in contemporary Russia. *Bulletin of the Trans-Baikal State University*. 2019 b, Vol. 25, N 3, P. 78–83. (In Russ.)
- Tsumarova E. Yu. Identity politics: politics or policy? *Bulletin of Perm University. Series: Political Science*. 2012, N 2, P. 5–16. (In Russ.)
- Vetrenko I.A., Dubitsky V.V. State language policy in the context of the formation of political identity of citizens. *Herald of Omsk University. Series “Historical Studies”*. 2017, N 3 (15), P. 368–374. (In Russ.)
- Zaznaev O.I. (ed). *Political identity and identity politics*. Kazan: Kazan State University, 2011, 230 p. (In Russ.)